

М. ГОРЬКИЙ О Н. С. ЛЕСКОВЕ

Д. СТРАУКАВИТЕ

Для современного изучения творчества Н. С. Лескова большой интерес представляют суждения о нем великого советского писателя и критика Алексея Максимовича Горького.

Многие статьи и монографии советских литературоведов о Лескове опираются на отдельные высказывания о нем Горького, некоторые работы касаются вопроса о творческих связях обоих писателей. (Л. Гроссман, Н. С. Лесков, Жизнь. Творчество. Поэтика. М. 1945 г. Б. Другов, Н. С. Лесков, 2-ое изд., М. 1961.) Специально теме «Горький о Лескове» посвящена статья 1941 года Б. М. Другова (Б. Другов, Горький о Лескове, «Литературная учеба», 1941, № 6), где главное внимание уделяется общим явлениям в творчестве Н. С. Лескова и М. Горького, а также подробно анализируется своеобразие художественного языка Н. Лескова в соотношении с языком и стилем произведений Горького.

Между тем важно тщательно изучить все оценки Н. Лескова Горьким, которые мы встречаем в письмах, в статьях, в его «Истории русской литературы» и в художественных произведениях. Это дает много материала для общей оценки творчества крупного художника слова Н. С. Лескова и определения его места в истории русской литературы. Горький справедливо указывал, что Лесков: «Отличный писатель и тонкий знаток русского быта, писатель все еще не оцененный по заслугам перед нашей литературой»¹.

Наиболее полно творчество Н. С. Лескова освещено М. Горьким в его «Истории русской литературы». Здесь определено место Н. С. Лескова среди великих художников слова второй половины XIX века, охарактеризована народность и национальный колорит писателя. Отдельная статья о Лескове «Н. С. Лесков» была написана Горьким в виде предисловия к подготовляющемуся в 1923 году собранию сочинений. Большое значение имеют суждения Горького о сказах Лескова, о своеобразии его стиля и языка.

Кроме того Горький часто обращается к творчеству Лескова в советах и наставлениях молодым писателям в своих письмах к Б. Н. Полевому, К. А. Треневу и другим.

* * *

Пристально изучая классическое наследие русской литературы, М. Горький отмечает разнообразие и самобытность талантов: «Талант

¹ М. Горький, Собрание сочинений в 30-ти томах, ГИХЛ, т. 24, стр. 487. В дальнейшем все цитаты из статей и писем М. Горького приводятся по названному изданию собрания сочинений.

Пушкина, величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России, а рядом с ним волшебник Глинка и прекрасный Брюллов, беспощадный к себе и людям Гоголь, тоскующий Лермонтов, грустный Тургенев, гневный Некрасов, великий бунтовщик Толстой и больная совесть наша — Достоевский; Крамской, Репин, неподражаемый Мусоргский, Лесков, все силы, всю жизнь потративший на то, чтобы создать «положительный тип» русского человека, и, наконец, великий лирик Чайковский и чародей языка Островский, так не похожие друг на друга, как это может быть только у нас, на Руси, где в одном и том же поколении встречаются люди как бы разных веков, до того они психологически различны, неслиянны»². (Подчеркнуто мною. — Д. С.).

Горький считает Лескова чрезвычайно самобытным писателем, достойным встать в один ряд с названными великими русскими художниками слова. Он видит значительность творчества Лескова в том, что ему удалось сказать свое особое слово в литературе, которое Горький определяет как упорное стремление Лескова «создать положительный тип русского человека».

Для того, чтобы точнее определить вклад писателя в общее развитие литературы и выяснить его объективное значение, необходимо решить вопрос об его общественных позициях, о его мировоззрении. Горький как раз и указывает на сложность решения этого вопроса применительно к нашему писателю: «Лесков — совершенно оригинальное явление русской литературы: он не народник, не славянофил, но и не западник, не либерал и не консерватор»³. Не помогает в решении этого вопроса и вся предшествующая Горькому литературная критика. Крупный писатель, автор «Соборян» и «Левши», всю жизнь посвятивший литературному труду, остался одиноким и не понятым почти до конца своей жизни. Начиная с романа «Некуда», которым он нанес удар по революционно-демократическому лагерю, карикатурно изобразив нигилистов, Н. Лесков сумел нанести удары и славянофилам, консерваторам, народникам и прочим партиям или течениям.

Русская литературная критика той поры не задавалась целью понять Н. С. Лескова: к нему лишь прикладывали мерку собственных воззрений и симпатий те или другие критики. Журнал «Отечественные записки» № 7 за 1869 год отмечал по поводу романов Лескова: «...все его ругали; ругали огулом «за все», ругали с плеча, кратко, но сильно, даже с каким-то соревнованием: точно каждый спешил от своего усердия принести свою посильную лепту в общую сокровищницу и только боялся, как бы не опоздать к началу. Само собой разумеется, что во всем этом поголовном рераторстве было очень много ожесточения и ни на волос не было того, что мы привыкли называть под словом «критика». Хотя это положение было высказано в начале творчества Лескова, но оно осталось верным и до конца жизни автора замечательных сказов. Сам Лесков многократно жаловался на отсутствие справедливой, дружественной критики, нуждался в добром совете. Но, призывая к объективной оценке творчества писателя, сам журнал «Отечественные записки» тоже в этом направлении ничего не сделал. Современная писателю критика ограничивается несколькими рецензиями на «Левшу», журнальными статьями полемического характера и воспоминаниями о Лескове. Наиболее значительной из современных Н. Лескову критических статей о его творчестве

² М. Горький, Собр. соч. т. 24, стр. 184.

³ М. Горький, Несобранные литературно-критические статьи, ГИХЛ, М., 1941, стр. 275.

является статья Протопопова «Больной талант», напечатанная в журнале «Русская мысль» в 1891 году, которую и сам Н. Лесков признал справедливой. Из более поздних работ следует отметить статью С. А. Венгерова в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона и несколько статей А. И. Фаресова. Но и эти статьи даже не ставят вопроса о мировоззрении писателя.

При оценке своих предшественников, в том числе и Лескова, М. Горький главным критерием считал правдивость отображения жизни русского народа и, главное, их гуманизм. Горький прежде всего подчеркивает в Лескове то общее, что роднит его с другими передовыми русскими писателями,—его гуманизм. «Стоит открыть книгу любого из вчерашних писателей, и — будет ли это книга Чехова или Лескова — от нее повеет на душу жаром любви к человеку, состраданием к нему, стремлением ободрить его»⁴.

Гуманизм у Н. Лескова — одна из характерных черт его творчества. Он верил, что каждый человек по натуре — честный, благородный, правдивый, полон любви и заботы к другим людям. Лесков уважал человеческую личность, людей долга, питал глубокие симпатии к бессеребренникам, к «прекраснодушным» личностям. Отлично зная народ, он верил в его даровитость, выносливость, чуткость и справедливость. Но Горький указывал и на односторонность идейных позиций Лескова в понимании гуманизма. Положительные образы Лескова способны жертвовать собою ради своих друзей, родных, но не способны на подвиг общественного характера, они не связаны с классовой борьбой. Это пассивный гуманизм, и М. Горький, творчество которого является примером активного гуманизма, не мог отнестись к этой черте творчества Н. Лескова без легкой иронии. Это отношение нашло отклик в горьковской пьесе «Чудаки» в словах Вукола: «Будут петь птицы, выполняя закон природы... а человек будет рассказывать мне утешительные сказки про святую Русь, а?.. О бессеребренниках-инженерах, о святом квартальном, о нигилистах, великих простотою души своей, о святых полах, благородных дворянах, и о женщинах, о мудрых женщинах! Как приятно читать эти сказочки в наше-то темное безнадежное время, а!»⁵.

М. Горький, ставя Н. Лескова как художника наряду с другими великими мастерами слова, отмечает, что по широте охвата всех областей народной жизни он равных себе не имеет. «Как художник слова, Н. С. Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы русской, каковы Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров. Талант Лескова силой и красотой своей не многим уступает таланту любого из названных творцов священного писания о русской земле, а широтой охвата явлений жизни, глубиной понимания бытовых загадок ее, тонким знанием великорусского языка он нередко превышает названных предшественников и соратников своих»⁶.

Нет такого уголка пореформенной русской жизни, куда бы не взглянул внимательный и зоркий глаз Лескова. Он высказал свое осуждающее слово по поводу сходящего со сцены дворянского героя, обрисовал нового героя — разночинца, кроме того ввел в нашу литературу тему о дифференциации православного духовенства, где среди коварных, жадных карьеристов встречались и истинные праведники, впервые указал на необходимость «изучать всех участников жизни».

⁴ М. Горький, Несобранные литературно-критические статьи, стр. 417.

⁵ М. Горький, Собр. соч., т. 12, стр. 88.

⁶ Там же, т. 24, стр. 236.

Гуманизм и демократизм Лескова имел существенное значение для творчества последующих писателей. Горький подчеркивал большое значение Н. Лескова и для А. Чехова: «Он, Лесков, пронзил всю Русь. Чехов премного обязан ему»⁷. «А. П. Чехов говорил, что очень много обязан ему. То же, я думаю, мог бы сказать и А. Ремизов»⁸. Чехов и Лесков, изображая русскую пореформенную деревню без прикрас, без народнических иллюзий, обвинялись народнической критикой в «чрезмерности», в «преувеличениях», и оба любили Русь горячо такую, какой она была и желали видеть ее лучше, свободнее.

Не раз Горький указывал, что Н. С. Лесков влиял на него, в особенности в первые годы его литературной работы. Горький, как и Лесков, обращает свое внимание на людей дна, но в отличие от лесковских героев, люди дна в произведениях Горького не желают и не имеют возможности жить в своей социальной среде, они восстают против существующих буржуазных порядков. М. Горький показывает в них зарождение человеческого достоинства, их попытку бороться с социальным злом, но эти герои не знают, где выход из создавшегося несправедливого положения и поэтому М. Горький считает их ограниченными, не способными изменить действительность.

М. Горький не закрывает глаза и на слабые стороны творчества любимого писателя. В первую очередь это относится к тенденциозным романам Н. Лескова «Некуда» и «На ножах». «В героическом порыве молодежи выпрыгнуть из гнилого, ржавого болота дореформенной жизни коренилось здоровое начало,— этого Лесков не понял или недостаточно оценил значение этого буйства»⁹,— писал М. Горький. Он видит причину этих ошибок в политической незрелости автора и в незнании им самого изображаемого предмета.

Оценка Н. Лескова М. Горьким не противоречит критике революционных демократов 60-х годов XIX в. В анонимной рецензии, принадлежащей Шедрину (авторство установлено Н. Яковлевым. Письма Шедрина, Л.; 1924 год, стр. 51), в «Современнике» 1862 г. № 4 читаем: «Нам жаль верхних столбцов «Пчелы». Там тратится напрасно сила не только не высказавшаяся и не исчерпавшая себя, а, может быть, еще и не нашедшая своего настоящего пути. Мы думаем по крайней мере, что при большей сосредоточенности и устойчивости своей деятельности, при большем внимании к своим трудам, она найдет свой настоящий путь и сделается когда-нибудь силою замечательною, быть может совсем в другом роде, а не в том, в котором она теперь подвигается. И тогда она будет краснеть за свои верхние столбцы и за свои беспардонные приговоры *de omnibus et quibusdam*» (стр. 305). Пророчество «Современника» сбылось. Лесков стал с демократических позиций резко разоблачать существующие порядки, написал незабываемые «Мелочи архиерейской жизни», «Левшу», «Заячий ремиз» и другие. М. Горький, разбирая романы Н. С. Лескова «Некуда» и «На ножах» в другой эпохе, когда уже на прошлое можно смотреть объективно и четко разобратся в истории, сумел и в тенденциозных романах Н. Лескова найти положительные стороны, отмечая удачные характеристики отдельных героев. «В этой книге («Некуда».— Д. С.), среди толпы людей жалких и нечестных, Лесков нашел героя по душе себе — это Райнер, идеалист, чудаковатый и несколько похожий на Рахметова в замечательном романе Чернышевского «Что делать». Этот Райнер именует себя социалистом, открыто ведет революционную про-

⁷ М. Горький, Собр. соч., т. 19, стр. 287.

⁸ Там же, т. 24, стр. 487.

⁹ Там же, стр. 230.

паганду в России и погибает, как герой в бою, во время польского восстания (18)63 г. Лесков окружил Райнера сиянием благородства и почти святости...»¹⁰. Характеризуя роман Лескова «На ножах» как еще более реакционный в изображении «нигилистов», как книгу «личной мести», где все герои шарлатаны, воры, убийцы, книгу мрачную, М. Горький восхищается образом революционерки Анны Скоковой. «Эта девица — тип мастерски выхваченный из жизни художника, изображенный удивительно искусно, жизненный до обмана, — таких Вансок русское революционное движение создавало десятками... Этот человек орудие, но это и святой человек, смешной, — но прекрасный, точно добрая фея сказки, человек, воспламененный неугасимой трепетной любовью к людям — священной любовью, хотя она и напоминает слепую привязанность собаки. Такие маленькие великие люди, веселые великомученики любви своей ради, — одни из лучших людей нашей страны, обильной «рыцарями на час» и позорно бедной героями на всю жизнь... Величайшая заслуга Лескова в том, — что он прекрасно чувствовал этих людей и великолепно изображал их»¹¹.

Развернутую оценку в высказываниях А. М. Горького получили также произведения Н. Лескова, изображающие крестьянство. В литературе 70—80-х годов 19 в. мужику отводилось много места, так как его считали главной силой и основой будущего общества. Народническая литература восхваляла «исконную мудрость» мужика, общинные устои, были созданы идеалистические зарисовки сельской жизни и «сахарные» образы крестьян. На народ смотрели с идеалистических позиций, пели ему дифирамбы, много о нем толковали, а на самом деле ничего о нем не знали. И вот, когда среди этих дифирамбов раздался голос инакомыслящего, все пришли в недоумение и возмущались.

М. Горький ярко раскрывает литературную обстановку и роль появившихся крестьянских повестей и очерков Лескова в литературе того времени. «В рассказах Лескова все почувствовали нечто новое и враждебное заповедям времени, канону народничества. Одним это новое казалось глумлением балагура, другим — злобою крепостника и реакционера, и почти никому не нравилась форма его рассказов; Лесков сумел не понравиться всем: молодежь не испытывала от него привычных ей толчков «в народ», напротив — в печальном рассказе «Овцебык» чувствовалось предубеждающее — «Не зная броду — не суйся в воду!» Зрелые люди не находили у него «гражданских идей», выраженных достаточно ярко, революционная интеллигенция все еще не могла забыть романы «Некуда» и «На ножах»¹².

Н. С. Лесков, подобно писателям шестидесятникам Слепцову, Н. Успенскому, Решетникову, Якушкину, уже в своих первых рассказах показывает русскую пореформенную деревню во всей неприглядности ее быта и нравов. Не выдуманные «сахарные» мужички, а — забитые крестьяне, опутанные сельскими большаками и помещиками, пресмыкающиеся перед хозяином — такие выступают герои в рассказе «Овцебык». Темнота и забитость в деревне, когда всерьез колдовскими средствами изгоняют засуху, рисует «Погащенное дело». Расслоение деревни, когда, заботясь лишь о своей «шкуре», губят в звериной борьбе каждого слабого соседа, мы видим в рассказе «Житие одной бабы». Стихийный протест в крестьянской среде, поднявшийся против издевательств управляющего — предмет повествования в рассказе «Язвительный». Повести и рассказы Лескова ничего не имеют общего

¹⁰ М. Горький. Собр. соч., т. 24, стр. 230.

¹¹ Там же, стр. 231.

¹² Там же, стр. 234.

с натурализмом, с бесстрастной передачей «модного» этнографического материала. Лесков с едким юмором и сатирической заостренностью изображает «скверности» сельской жизни, темноту, нищету и бесправие ее жителей. («Загон», «Продукт природы» и другие.) Народническая критика не хотела видеть в рассказах и повестях Н. С. Лескова реалистического изображения капитализации русской деревни. Лесков возмущал народников тем, что заставляет своих героев говорить о народе обидные, горькие, но часто справедливые, слова: «Ах, вы сор славянский, ах, вы дрянь родная!», «народ глуп и зол», «безнадежно темен»...

М. Горький правильно оценил антинароднический характер произведений Лескова о деревне: «Автор этих строк, возмущенный терпением крестьянства и забитостью, временами теряя понимание смысла истории, тоже думал о своем народе не очень ласково»¹³. В этом М. Горький усматривает не издевку над народом, а глубокую любовь к нему, стремление «сводить его в баню». «Он любил Русь, всю, какова она есть, со всеми нелепостями ее древнего быта, любил затрепанный чиновниками, полуголодный, полупьяный народ, и вполне искренне считал его «способным ко всем добродетелям, но он любил все это, не закрывая глаз,— мучительная любовь, она требует все силы сердца и ничего не дает взамен»¹⁴.

Горький выделяет именно Лескова как писателя, который умел подметить в жизни талантливых людей из народа. «Я видел в жизни десятки ярких, богато одаренных, отлично талантливых людей, а в литературе — «зеркале жизни» они не отражались или отражались настолько тускло, что я не замечал их. Но у Лескова, неутомимого охотника за своеобразным, оригинальным человеком, такие люди были, хотя они и не так одеты, как — на мой взгляд — следовало бы одеть их. Вместе с восхищением красотами образа и слова меня все более тревожило чувство смутного недоверия к литературе»¹⁵.

Герои ранних произведений Лескова, по словам Горького, тоже не могли «внушать доверие», ибо это был только еще подступ к поискам положительного героя из народа.

В «Беседах о ремесле» М. Горький писал: «Я уже знал, что деревня с поразительной быстротой хирела, нарождая Разуваевых и Колупаевых, кулачество пышно росло и цвело, умножая душегубство, создавая губошлепов». Эту черту развития деревни Горький видел в рассказах Лескова и Щедрина, Чехова и Глеба Успенского. Горький не раз подчеркивал, что Чехов относился резко отрицательно к идеализации деревни, а Глеб Успенский «рассказывал, каков по его наблюдениям, тот мужичок, которым он еще недавно был очарован»¹⁶. Среди крестьянских повестей и рассказов положительные герои Лескова ярко выступают, как праведники, ищущие путей в лучшую жизнь и готовые пожертвовать собой ради любви к ближнему. Это выглядело как утешение людям, ищущим путей из создавшегося жизненного тупика. «Великий сочинитель! Сердце у него иссохло от тоски и отчаяния, но — он утешает ближнего!.. Знаю я, что все это выдумка и утешительного ничего нет, но — приятен душе человек, который, видя всюду зверей, скотов и паразитов, сказал себе: давай-ка я напишу им образы примерно хороших людей...»¹⁷

¹³ М. Горький, Собр. соч., т. 26, стр. 154.

¹⁴ Там же, т. 24, стр. 233.

¹⁵ Там же, т. 25, стр. 346.

¹⁶ «Литературный критик», 1938, № 1, стр. 28.

¹⁷ М. Горький, Собр. соч., т. 12, стр. 88.

Большой заслугой Лескова М. Горький считал созданные им типы положительных героев из народа, «ярких, богато одаренных, отлично талантливых людей».

Развернувшееся мощное крестьянское движение во 2-й половине 19 века, ускорившее реформы 1861 года, показало, что на арену борьбы выдвигаются новые силы. В. И. Ленин в статье «От какого наследства мы отказываемся?» говорит, что «По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрасти и размер той массы населения, который является сознательным историческим деятелем»¹⁸. Художественная литература и должна была отразить это превращение массы в «сознательного исторического деятеля», в осязаемого субъекта истории. Перед ней стояла, как никогда раньше, задача — создать положительные образы людей из народа. В статье «Напрасные опасения» Щедрин писал: «Новая русская литература не может существовать иначе, как под условием уяснения положительных типов русского человека»¹⁹.

К этой проблеме обращается вся современная Лескову передовая русская литература.

В качестве яркого примера в этом отношении можно сослаться на Г. Успенского, который призывает всех искать «настоящую жизнь, настоящие живые отношения живых людей» в народной среде, потому что, вопреки образцовому обществу, «стремления народа вполне определены, а изучение обстановки, в которую поставлены эти стремления, поучительно для освежения в обществе общечеловеческих идей... и писатель «будет получать настоящие, не призрачные впечатления и, стало быть, будет «делать дело»²⁰. Правдивые картины бытописания пореформенной деревни, которые мы находим в произведениях Г. Успенского, высоко ценили и Н. Лесков и М. Горький.

В своих повестях и рассказах Н. Лесков создает положительные образы людей из народа. М. Горький отмечает: «Каждый его герой — звено в цепи людей, в цепи поколений, и в каждом рассказе Лескова вы чувствуете, что его основная дума — дума не о судьбе лица, а о судьбе России»²¹. Сам Лесков неоднократно говорил и писал о своей близости к народу. В начале 60-х годов мы читаем признание Лескова: «Я смело, даже, может быть, дерзко думаю, что я знаю русского человека в самую его глубь, и не ставлю себе это ни в какую заслугу. Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе на гостомельском выгоне, с казанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного, под теплым овчинным тулупом, да на замашной панинской толчее за кругами пыльных замашек, так мне непристойно ни поднимать народ на ходули, ни класть его себе под ноги»²². В этом плане и изображен народ в повестях и рассказах Лескова. В повести «Очарованный странник», не идеализируя своего героя Ивана Флягина, изображает дикие запойные «выходы», варварскую жестокость и примитивность воззрений своего «черноземного богатыря». Во всех своих произведениях и бесчисленных бедах Иван Северьянович сохраняет главные народные качества: мужество, искренность, бесстрашие, артистичность натуры.

Лесков, будучи писателем «очень крупным и умным» (М. Горький), не мог не заметить рост русского человека — исторического деятеля

¹⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 328.

¹⁹ Салтыков-Щедрин, Сочинения, т. 8, стр. 58.

²⁰ Гл. Успенский, Пол. собр. соч., АН, т. 10, кн. 1, стр. 344—346.

²¹ М. Горький, История русской литературы, стр. 276.

²² Н. Лесков, Русское общество в Париже, Повести, очерки, рассказы, стр. 320.

и потому он верил в народ, в котором он находил бесчисленное множество талантливых людей — богатырей, не знающих, где приложить свои огромные силы. Сущность подхода писателя к образам людей из народа прекрасно раскрыта Горьким: «Его огромные люди. Их основная черта — самопожертвование, но жертвуют они собой ради какой-либо правды или дела, не из соображений идейных, а бессознательно, потому что их тянет к правде, к жертве. Лесков изображает своих героев праведниками, людьми крепкими, ищущими упрямо некоей всеветной правды, но он относится к ним не с историческими слезами Достоевского, а с иронией добродушного и вдумчивого человека»²³.

Праведники Н. Лескова противостоят бездушным героям «банковского периода» — чиновникам, светским и духовным властям. Они влюблены в свое дело, настоящие художники, они — мечтатели и противопоставлены меркантильным интересам буржуазии («Запечатленный ангел», «Левша»).

Но крепостничество и капитализм «мял, давил, душил тысячами и миллионами»²⁴ народные таланты и способности, потому и образ положительного героя мог быть осуществлен у Н. Лескова лишь в сатирическом и трагедийном преломлении, в типической картине гибели лучших людей («Левша», «Тупейный художник» и др.). «Одна у русского человека жизнь и та безделица — это основной мотив всех песен Лескова»²⁵. Часто такие люди были преследуемы не только правящими слоями, но и своей средой («Несмертельный Голован»). Эту сторону жизни также хорошо подметил и М. Горький в «Детстве», рассказав, как жители каширинского дома ненавидели замечательного изобретателя по прозвищу «Хорошее дело». Об этом говорится и в «Монахах университетов»: — «Много раз натыкался я на эту боязнь праведника, на изгнание из жизни хорошего человека».

Эпоха второй половины XIX века охарактеризована В. И. Лениным следующими словами: «С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить ту землю, создать на место полицейско-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян...» «С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально к тому, каково должно быть это общежитие...»²⁶ В литературе той поры ярко отразились эти противоречия. Все лучшие ее представители, изображая народные типы, отмечали пробуждение масс к историческим действиям и в то же самое время цепкую живучесть многовекового рабства. У Н. Лескова эти противоречия выступают тем отчетливее, что материалом для своих произведений он всегда брал действительные случаи, их обобщал и делал их очевидными обвинениями существующим порядкам. «У меня есть наблюдательность и, может быть, есть некоторая способность анализировать чувство и побуждения, но у меня мало фантазии. Я выдумываю тяжело и трудно, и потому я всегда нуждался в живых лицах, которые могли меня заинтересовать своим

²³ М. Горький, История русской литературы, стр. 286.

²⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, стр. 158.

²⁵ М. Горький, История русской литературы, стр. 275.

²⁶ В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 183.

духовным содержанием. Они мною овладевали, и я старался воплотить их в рассказах, в основу которых тоже весьма часто клал действительные события»²⁷. В рассказе «Продукт природы», обобщая впечатления из своей коммерческой деятельности, он показывает группу крестьян — переселенцев, которые, потеряв наконец терпение, сбегают от своих хозяев, но напуганные чиновником, покорно избивают друг друга. В «Однодуме» Н. Лесков показал праведника — квартального, жившего только на свое жалование и не берущего взятку. Среди «нормальных» людей-взяточников, доносчиков и других мерзавцев — такому человеку нет места. В «Левше», «Тупейном художнике», «Запечатленном ангеле» и других рассказах показывает, как способные крепостные, самоучки, одаренные и талантливые люди свое мастерство превращают в высокое искусство, но их жизнь окружающим кажется «безделницей» и талант их гибнет в темном зверином быту. В каждом таком герое подчеркиваются главные народные качества: жизнерадостность, бесстрашие, артистичность натуры. Но праведники, превосходя свою среду в моральном и эстетическом плане, являются одиночками, и показаны не как реальная сила, а выступают как чудaki.

Великий знаток русской жизни М. Горький высоко ценил в творчестве Н. Лескова не только его широкий диапазон бытописания и народность, но и оптимизм, жизнеутверждающий характер зарисовок русской природы в произведениях Лескова. Это было созвучно романтическим рассказам М. Горького. В произведениях Н. Лескова красоту природы чувствуют только люди, отличающиеся высокими моральными качествами. Так в «Соборяхнах» Туберозов часто любуется восходящим солнцем, зарей; он находит великую красоту в надвигающейся буре. После грозы жизнь опять начинается, все выглядит лучше, красивее. Подобное значение имеют пейзажи в «Очарованном страннике», «На краю света» и др. Пейзажные зарисовки у Н. Лескова скупы, сжаты, но являются существенным звеном в общем содержании его рассказов. Понимание красоты природы, тонкое чутье прекрасного в произведениях М. Горького также доступно только людям из народа. Славу красоте мира поет чабан и фея, старый цыган и прохожий нищий. На фоне прекрасной природы рисуются образы Коновалова, Макара Чудры, Данко и других героев, способных оценить эту красоту. Чувство прекрасного тесно связано с ростом социального сознания, с порывом к героическим поступкам. Особенно ярко тема красоты мира, жизнеутверждения и жизнелюбvia осуществлена в рассказе «Старуха Извергиль», который перерастает в гимн природе, хорошим и красивым людям.

Любимые герои Н. Лескова любят песни, красиво, душевно поют. Так Настя и Степан из повести «Житие одной бабы» свои чувства выражают песнями, то звонкими, веселыми, то печальными, душевраздирающими. Этим подчеркивается богатство их души, умение слиться с природой, большая любовь к близким, к своему народу. М. Горький эту черту характера тоже часто подчеркивал в своих лучших героях из народа. Он с восхищением отмечает мастерство своей бабушки — народной сказительницы и исполнительницы песен — и любуется пляской цыганка.

Стремясь всесторонне изобразить действительность, Н. Лесков часто обращался к летописи, хронике. На широком полотне старгородской уездной жизни показал уходящие патриархальные устои, про-

²⁷ Н. Лесков, Авторское признание, Собрание сочинений в II томах, ГИХЛ, т. II, стр. 229. В дальнейшем все цитаты приводятся по данному собранию сочинений.

тивопоставляя старое хорошее бездушию новых порядков. Летопись ведет старый протопоп Туберозов, праведник, почти в одиночестве борющийся с надвигающимися новыми порядками и в конце жизни сознающий, что вел борьбу безуспешно, что новому не помешать, но не сдающийся.

М. Горький тоже прибегал к летописанию, чтобы полнее раскрыть существующие условия. Может быть, «Соборяне» послужили толчком создать хронику «Городок Окуров», где тоже дан уездный город со всем его круговоротом, показаны все слои общества, от властей до незначительных жителей, а летопись ведет «чудак», который в конце жизни приходит к сознанию бесцельно прожитой жизни, т. к. он ушел от людей в свой узкий мир, не решаясь на борьбу. М. Горький был всегда против пассивного отношения к жизни, за борьбу, за лучшее будущее. Возможность успешной борьбы и полноценного положительного героя М. Горький нашел в пролетарской среде, в классе, который выдвинулся в серьезную силу только во второй половине 90-х годов 19 века. Н. Лесков этого не видел и не мог видеть, потому его целью осталось: «ободрить, воодушевить Русь, измученную рабством, опоздавшую жить, шивую и грязную, вороватую и пьяную, глупую и жестокою страну, где люди всех классов и сословий умеют быть одинаково несчастными,—проклятую страну, которую надо любить и почему-то надо любить так, чтобы сердце каждый день и час кровью плакало от мучений этой лжи, столь похожей на пытку невинного сладострастным мучителем»²⁸.

Неоднократно М. Горький, особенно в своих ранних произведениях, обращается и к лесковским категориям «праведности» и «чужачества», человека, находящегося в разладе со своей средой, ищущего всесветной правды, не знающего, где приложить свою силу. Таков, например, Фома Гордеев, одиночка-бунтарь, ни за что погибающий. Коновалов, подобно Левше, артистическая натура, умеет увлечься своею работой, настоящим художником своего дела, но тоже неоценен и гибнет. М. Горький создал целую галерею «праведников», босяков, людей, презирающих частную собственность, настроенных против мерзости окружающей жизни, стихийных бунтарей, страстно любящих свободу и свою родину, готовых помочь людям, носителей новой правды. Таков Григорий Орлов из «Супруги Орловы», Ленька из «Дед Архип и Ленька», Павел Горемыка, Мальва из одноименных рассказов М. Горького и др. М. Горький любит пробуждением в них понимания собственного достоинства, но он понимает их ограниченность. Пролетарский писатель полноценных исторических деятелей нашел в пролетарской среде, в самой сознательной и высоко организованной среде. М. Горький хорошо понял, что одиночки-бунтари бессильны что-либо изменить в круговороте истории. Они протестуют против разного рода «свинцовых мерзостей» жизни и со стороны «нормальных» людей, хозяев жизни, они выглядят «чужаками». Таков, например, певчий Тетерев в «Мещанах», который зло высмеивает мещанство, но не способен идти с рабочим классом, с Нилом и вынужден признаться, что: «в России удобнее, спокойней быть пьяницей, бродягой, чем трезвым, честным человеком... Только люди безжалостно прямые и твердые, как мечи,—только они пробьют»²⁹. М. Горький высоко ценил лесковских праведников, «маленьких великих людей», о которых можно сказать: «они изжили зверя в себе», но подчеркивал, что эти люди бессильны что-либо изменить в окружающей действительности».

²⁸ М. Горький, Собр. соч., т. 24, стр. 231.

²⁹ Там же, т. 6, стр. 83.

Они, вероятно, ничего не сделают или сделают также мало, как преподобные церковные и светские отшельники и пустынножители, что, стремясь к познанию бога, забывают о человеке и, оправдывая бессилие его неблагодатной мудрости, неспособной устроить жизнь человеческую менее зверски, — беспощадно осуждают человека»³⁰.

* * *

Великий пролетарский писатель М. Горький особенно высоко ценил в Н. Лескове его знание великорусского языка. «Лесков несомненно влиял на меня поразительным знанием и богатством языка», — говорил М. Горький, советуя и другим учиться у Н. Лескова. Современники Н. Лескова тоже отмечали своеобразие лесковского языка. «Язык совершенно особенный, непохожий на язык никакого другого писателя, и смешать его нельзя ни с кем другим. Как, по уверению Рубинштейна, на каждой ноте сочинений Шопена стоит подпись «Фредерик Шопен», так на каждом слове Лескова имеется особое клеймо, свидетельствующее о принадлежности именно этому писателю», — писал Н. И. Краснов в 1895 году в статье «Чуткий художник и стилист»³¹. «Язык он знал до фокусов», — восхищенно говорил Л. Н. Толстой.

Как высоко ценил языковое творчество Н. Лескова Горький можно судить потому, что многим современным ему писателям он советовал учиться мастерству языка именно у Н. Лескова. Перелистывая письма М. Горького мы находим постоянные советы: «Читайте, изучайте приемы писателей-стилистов: Чехова, Тургенева, Лескова. Особенно богат словами последний»³². «Из старых русских писателей очень советую прочитать внимательно — Лескова, Слепцова и Помяловского, Лескова — особенно»³³. «...из прозаиков я рекомендую Вам Лескова: великолепный знаток языка, он Вас многому научит»³⁴. «Вы должны учиться, не щадя себя, учиться всему, что есть лучшего в мире, всякой технике и, конечно, технике словесного творчества. Этому научиться не так трудно, потому что у Вас есть великолепные образцы: Гоголь, Лев Толстой, Лесков, Чехов, Пришвин и немало других отличнейших знатоков русского языка, строя русской речи»³⁵. Аналогичные горьковские советы находим и в письмах к К. А. Треневу, В. Д. Ряховскому и другим будущим мастерам словесного искусства. В своем литературном наставничестве, в беседах с начинающими писателями М. Горький часто указывал на Н. Лескова, «который обладал изумительным речевым лексиконом, отличным знанием настоящего кондового русского языка»³⁶. Он даже советовал, что «надобно давать статьи, характеризующие язык, стиль старых мастеров словесного искусства — Гоголя, Толстого, Лескова, Бунина, Чехова. Это очень важно, это расскажет новичкам о «тайнах» речевой техники, о пластике слова, научит их располагать материал, владеть сюжетом, покажет им разницу между «рассказать» и «изобразить словами»³⁷. Особенно большое внимание Н. Лесков уделял речи героев, и многие

³⁰ М. Горький. Собр. соч., т. 24, стр. 232.

³¹ «Труд», № 5, 1895, стр. 455.

³² М. Горький, Письмо к Вс. Иванову от 1917 г., Собр. соч., т. 29, стр. 378.

³³ М. Горький, Письмо к П. Х. Максиму от 18(31) января 1911 г., Собр. соч., т. 29, стр. 156.

³⁴ М. Горький, Письмо к Е. О. Ставицкому от 1910—1912 г., Собр. соч., т. 29, стр. 291.

³⁵ М. Горький, Письмо к Б. Н. Полевому от 10 января 1928 г., Собр. соч., т. 30, стр. 61.

³⁶ М. Горький, Собр. соч., т. 26, стр. 90.

³⁷ М. Горький, Письмо к О. В. Анзиминой от 28 июня 1927 г., Сб. «Русские писатели о языке», стр. 731.

лучшие его произведения написаны в форме сказа, т. е. автор пользуется приемом развертывания повествования от имени действующего лица с сохранением его речевых особенностей. По этому поводу Н. Лесков говорил: «Чтобы мыслить «образно» и писать так... надо, чтобы герои писателя говорили каждый своим языком, свойственным их положению. Если же эти герои говорят не свойственным их положению языком, то черт их знает — кто они сами и какое их социальное положение. Постановка голоса у писателя заключается в умении овладеть голосом и языком своего героя и не сбиваться с альтина на басы. В себе я старался развить это умение и достиг, кажется, того, что мои священники говорят по-духовному, нигилисты — по-нигилистически, мужики — по-мужички, выскочки из них и скоморохи — с выкрутасами и т. д.»³⁸.

М. Горький считал, что «Лесков — тоже волшебник слова, но он писал не пластически, а — рассказывал и в этом искусстве не имеет равного себе. Его рассказ — одухотворенная песнь, простые, чисто великорусские слова, снизываясь одно за другим в затейливые строки, то задумчиво, то смешливо звонки, и всегда в них слышна трепетная любовь к людям. Люди его рассказов часто говорят сами о себе, но речь их так изумительно жива, так правдива и убедительна, что они встают перед вами, столь же таинственно ощутимы, физически ясны, как и люди из книг Л. Толстого и других, — иначе сказать, Лесков достигает того же результата, но другим приемом мастерства»³⁹. М. Горький подчеркивал, что Н. Лесков, в отличие от других мастеров слова, образы создает не при помощи тщательного описания своего героя, его чувств и переживаний, а средствами речевой характеристики. Лесковские герои часто декламируют стихи, поют песни, сыплют поговорками и пословицами, а авторская речь по временам приобретает точный ритм. Лесков в письме к С. Н. Шубинскому, который отмечал «музыкальность» «Горы», по этому поводу пишет: Я добился «музыкальности», которая идет этому сюжету как речитатив. (То же есть в «Памфалоне», только никто этого не заметил; а меж тем там можно скандировать и читать с каденцией целые страницы...)⁴⁰. Эту черту великий прозаик А. П. Чехов отметил и у самого М. Горького. По поводу выхода первых двух томов очерков М. Горького в 1899 году А. П. Чехов ему писал: «Ваши вещи музыкальны». А некоторые произведения Горького, как «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике» и другие ранние романтические произведения напоминают стихотворения в прозе. И Н. Лесков и М. Горький, оба были против красивых слов без содержания, против пустых фраз, против «искусства для искусства». «Хороший слог вовсе не то, что фразистая шумиха слов, и что хороший слог почти всегда свидетельствует о гармонии строения мысли в голове писателя»⁴¹, писал Н. С. Лесков. Такой слог вырабатывать надо большим трудом. «Помните, что основное правило всякого писателя — переделывать, перечеркивать, перемарывать, вставлять, сглаживать и снова переделывать... Иначе ничего не выйдет»⁴², — давал советы своим младшим друзьям маститый художник слова Н. С. Лесков. Сам он тщательно «стругал» свои произведения, переделывал их «вдоль и поперек», пока

³⁸ Слова Лескова в передаче Фаресова, А. Н. Фаресов, «Против течений», стр. 273—275.

³⁹ М. Горький Собр. соч., т. 24, стр. 236.

⁴⁰ Н. Лесков, Письмо к С. Н. Шубинскому от 2 июня 1890 г., Собр. соч., т. II, стр. 460.

⁴¹ Н. С. Лесков, Русские общественные заметки, Собр. соч., т. 10, стр. 80.

⁴² Н. С. Лесков, Письмо к А. Е. Разоренову от 1884 г., т. II, стр. 299.

достигал «трудно дающейся простоты». По поводу «Скомороха» Н. Лесков писал С. Н. Шубинскому: «Этот язык, как язык «Стаальной блохи», дается не легко, а очень трудно, и одна любовь к делу может побудить человека взяться за такую мозаическую работу»⁴³. «Мозаическая работа» над словом, языком художественного произведения была не проста, она должна была не только обеспечить целостный своеобразный лесковский стиль его рассказов, но главное — определить характер самих героев. Кто «речь имел тупую и невразумительную», то обладал и характером замкнутым и угрюмым, а кто говорил «с таким хитрым извитием слов, что удивляться надо было его речи», то и «характер имел легкий и увлекательный»⁴⁴. К стилизации речи героя Н. Лесков обращается и как к средству пародирования языка персонажа, как к средству сатирического гротеска («Воительница», «Заячий ремиз») и для выражения глубоко сочувственного отношения к героям («Соборяне»). «Человек живет словами, и надо знать, в какие моменты психологической жизни у кого из нас какие найдутся слова»⁴⁵, — говорил Лесков. И он тщательно изучал каждого представителя различных социальных групп общества. «Этот народный, вульгарный и вычурный язык, которым написаны многие страницы моих работ, сочинен не мною, а подслушан у мужика, у полунинтелигента, у краснобаев, у юродивых, у святош... Ведь я собирал его много лет по словечкам, по пословицам и отдельным выражениям на луту, в толпе, на барках, в рекрутских присутствиях и монастырях»⁴⁶.

Н. Лесков широко употребляет и специфический профессиональную речь («Запечатленный ангел», «Александрит»), чтобы показать героя определенной профессии, тщательно отбирает слова, чтобы они служили образной характеристикой. «Многоцветная сказовая речь Лескова охватывает все богатство родного языка, типические и яркие особенности говора, полузабытые, но «вские», добротные и образные слова». Все это подчинено одной задаче — культуре литературной речи в направлении ее максимальной гибкости и конкретности против тех тенденций обесцвечивания слова и ненужной иностранщины, которые видел Лесков в современном ему литературном языке»⁴⁷.

С этой точки зрения надо рассматривать и интерес Лескова к народной этимологии. Такие словечки, как «многобожаемый», «его страхоподобие», «телешом ходить», «двухсестная карета», «нимфазория», «аглицкие мастера» и т. п., использованы в пародийно-сатирических целях, современной критикой были встречены с негодованием.

М. Горький прекрасно разобрался в сложной языковой работе писателя и ее художественных целях: «Критики часто попрекали Лескова в том, что он искажал язык, говоря: «мимоноска» вместо «миноноска», «фимиазмы» вместо «миазмы», «три волнения» вместо «треволнения» и т. д., но отчего же иногда не пошутить, хотя бы и неудачно? Неудачные шутки были свойственны даже богам»⁴⁸, — писал по этому поводу М. Горький. Сам Н. Лесков употребление подобных слов объясняет следующим образом: «Вся quasi-ученая литература пишет свои ученые статьи этим варварским языком... Что ж удивительного, что на нем разговаривает у меня какая-то мешанка в «Полунощни-

⁴³ Н. С. Лесков, Собр. соч., т. II, стр. 348.

⁴⁴ Н. С. Лесков, Запечатленный ангел, Собр. соч., т. 4, стр. 327.

⁴⁵ Слова Н. С. Лескова в передаче Фаресова, А. И. Фаресов, «Против течений», стр. 273.

⁴⁶ Там же, стр. 274.

⁴⁷ Другов, А. М. Горький о Лескове, «Литературная учеба», № 6, 1941, стр. 39.

⁴⁸ М. Горький, Собр. соч., т. 24, стр. 236—237.

ках»? У нее, по крайней мере, язык веселее, смешной»⁴⁹. «Преувеличения» создаются в целях сатирического или пародийного изображения. Н. Лесков это объяснял свойством русской народной литературы, которая обращается к подобным трюкам языка в том случае, когда рисует людей чуждого ей быта: «не имея возможности усвоить настоящий склад разговорного языка этих людей, они думают достичь наибольшей живообразности в пересказе, влагая в уста этих лиц слова, как можно пестрее и вычурнее, чтобы не было похоже на простую речь»⁵⁰. Эту черту творчества Н. Лескова хорошо подметил Л. Толстой в письме к самому Н. Лескову, говоря о его сказке «Час воли божьей»: — «мне очень понравился тон и необыкновенное мастерство языка, но... потом выступил ваш особенный недостаток, от которого так легко казалось бы исправиться, и который есть само по себе качество, а не недостаток, ехибегансе⁵¹ образов, красок, характерных выражений, которая вас опьяняет и увлекает»⁵².

Эта характеристика Л. Н. Толстого совпадает с собственным признанием Н. Лескова, что: «Писать так просто, как Лев Николаевич, я не умею. Этого нет в моих дарованиях... Я привык к отделке работ и проще работать не могу»⁵³.

Горькому была близка та борьба за чистоту, смысловую точность и остроту русского литературного языка, которую вел Лесков. Особенно раздражали Н. Лескова чрезмерное употребление иностранных языков, и это он всячески высмеивал в своих произведениях. Причину этого блестяще раскрыл М. Горький в статье «Н. С. Лесков»: «Лесков писал в ту пору, когда в русскую речь широкою волною хлынула масса иностранных слов из переводных, популярно-научных сочинений и когда «гарантия», «субсидия», «концессия», «грюндерство» и прочие словечки, за которыми таились очень скверные понятия и дела,— не могли не раздражать Лескова, человека насквозь русского, тонко знающего русский язык и влюбленного в его красоту»⁵⁴. Здесь М. Горький говорит о той быстрой ломке сложившихся языковых традиций, которая произошла в связи с развитием капитализма в России после реформы 1863 года. «История культуры учит нас, что язык особенно быстро обогащается в эпохе наиболее энергичной общественной деятельности людей вместе с разнообразием новых приемов труда и обострения классовых противоречий»⁵⁵.

Н. Лесков, выступая против официальной — бюрократической речи, вел литературную борьбу за чистоту и народность русского языка. По поводу этого Н. Лесков писал А. И. Пейкер: «Вообще я не считаю хорошими и пригодными иностранные слова, если их только можно заменить чисто русскими или более обруселыми. Надо беречь наш богатый прекрасный язык от порчи...»⁵⁶ Н. Лесков очень чутко относился к языку, к новым словам и не раз отмечал быстрый наплыв в русскую речь иностранных слов. В статье «Новое русское слово» в 1891 году он отмечает, что «Словарь 1865 г., заключающий в себе

⁴⁹ Слова Н. С. Лескова в передаче Фаресова, А. И. Фаресов, «Против течений», стр. 274.

⁵⁰ Н. С. Лесков, Леон — дворецкий сын, Собр. соч., т. 7, стр. 60.

⁵¹ Изобилие.

⁵² Л. Толстой, Письмо к Н. С. Лескову от 1890 г., Полное собр. соч., т. 65, стр. 198.

⁵³ Н. Лесков, Письмо к Черткову от 5 марта 1888 г., Собр. соч., т. II, стр. 369.

⁵⁴ М. Горький, Собр. соч., т. 24, стр. 237.

⁵⁵ Там же, т. 27, стр. 213.

⁵⁶ Н. Лесков, Письмо к А. И. Пейкер от 21 декабря 1878 г., Сб. «Русские писатели о языке», стр. 605.

«объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка», устарел, с того времени в русскую речь пришло много других слов иноязычного происхождения, которых читатель, не знающий иностранных языков, никак не поймет.

В своих рассказах и очерках Лесков часто высмеивал такое ненужное употребление иностранных слов. «Поехали за фельдшером, чтобы он шел как можно скорее, подать какую-нибудь помощь или как нынче красиво говорят «констатировать смерть» («Загадочное происшествие в сумасшедшем доме»), «чтобы избрать людей достойных, он хотел оглядеться, или, как нынче говорят по-русски — ориентироваться» («Однодум»). «Э, говорю, да ты, любезный мой, должно быть немножко с ума сошел от скуки (слово психопат тогда еще не было у нас в употреблении)» («Жемчужное ожерелье»). «Много клочков и обрезков или, как нынче по-русски говорят, — копюров» («Мелочи архиерейской жизни») и т. д.

В борьбе с искажениями русского литературного языка Н. Лесков опирался на народный язык. Это связано и с общим интересом писателя к народу и его творчеству. Он старался показать, что русская народная речь чрезвычайно богата, талантлива, выразительна, что она способна художественно оплодотворить литературный язык. Так в письме к А. Л. Милюкову его вниманию предлагает слово «простец» и разъясняет его смысл, разницу слов «простец» и «простяк», отмечая, что этим словом можно выразить то, «что другим одним словом не выразите»⁵⁷. Или пишет: «у нас в так называемой образованной речи, которая подчас заставляет пожалеть о многом, что мы напрасно заучили, и о многом, что напрасно позабыли, — потеряна разница этих слов: учение и выучка, а в народе они оба живы, и ему очень ясна разница их смысла»⁵⁸. Особенно ценил Н. Лесков говор своего родного Орловского края: «В Орловской и Тульской губерниях крестьяне говорят удивительно образно и метко. Так, например, баба не говорит о муже «он меня любит», а говорит «он меня жалеет». Вдумайтесь, и вы увидите, как это полно, нежно, точно и ясно. Муж о приятной жене не говорит, что она ему «понравилась», он говорит «она по всем мыслям пришла». Смотрите опять, какая ясность и полнота»⁵⁹. В своих произведениях Н. Лесков часто употреблял такие слова и выражения.

Утверждая, что учиться языку надо у народа, Н. С. Лесков был против чрезмерного употребления местных диалектов и точного копирования народного говора. В письме к писательнице О. А. Ельшиной по поводу ее рассказа он пишет: «В разговорах прислуги были идиомы народной речи, совсем неудобные для орфографии русского языка. Это надо допускать с большим чувством меры, иначе читателю придется «учиться понимать по-печатному»⁶⁰. Засорение литературного языка местными диалектами обесцвечивает изобразительные средства, препятствует глубокому пониманию сущности и снижает качество художественного произведения. Это не раз подчеркивал и М. Горький, который тоже всеми силами боролся за чистоту, правдивость и красоту литературного языка. «Если в Дмитровском уезде

⁵⁷ Н. Лесков, Письмо к А. П. Милюкову от 1878—1879 гг., Собр. соч., т. 10, стр. 469.

⁵⁸ Н. Лесков, Горшок каши старому учителю, «Сельское чтение», 1878, № 7, стр. 86.

⁵⁹ Н. Лесков, Письмо к Гreve от 5 декабря 1888 г., Собр. соч., т. II, стр. 404—405.

⁶⁰ Н. Лесков, Письмо к О. А. Ельшиной, Сб. Русские писатели о литературе, т. 2, стр. 307.

употребляется слово «хрындуги», так ведь не обязательно, чтобы население остальных 800 уездов понимало, что значит это слово... У нас в каждой губернии и даже во многих уездах есть свои «говоры», свои слова, но литератор должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски... Для того, чтобы люди быстрее и лучше понимали друг друга, они все должны говорить одним языком»⁶¹.

Н. Лесков возмущался неточным употреблением слов, горячо утверждал необходимость борьбы за чистоту речи. В письме к С. Н. Шубинскому от 18 марта 1892 года Н. Лесков возмущается тем, что тот в своем рассказе употребил «рука встряхнула болото». «Рука Петра могла расшевелить застоявшееся болото и разворошить его, или освежить, или очистить, но»...⁶² Лесков всегда был против небрежности и поспешности в слове, против нежелания лишний раз подумать над ним. П. В. Быков в «Силуэтах далекого прошлого» говорит о том, как сокрушался Н. Лесков, прочитав в одном рассказе, что «молочный цвет вишен спорил с белизною бесчисленных кистей акаций...» Ведь вишни и акации не цветут в одно время. Или он сердился за употребление слова «перезвон» вместо «трезвон». «Это неприличие, неуважение к печатному слогу! Вот что значит писать спуста рукава»⁶³.

М. Горький тоже часто упрекал современных ему писателей за неточное словоупотребление: «Слово необходимо употреблять с точностью самой строгой», — пишет он в статье «О том, как я учился писать». Надо найти такое слово, которое уже нельзя заменить никаким другим словом. Например, он указывает на неточность слов в предложении «Станица распласталась сонно, а в переулках — движение и гам». Вскрывая причины этого, М. Горький указывает, что это означает незнание изображаемой действительности, «словесное фокусничество, хвастливое сочинительство, потери на оригинальность стиля» и небрежность, неряшливость в обращении со словом.

Горький и Лесков, каждый в свое время, боролись с искажениями русского литературного языка, за его чистоту, точность, выразительность. Истоки яркого образного языка они находили в поэтическом творчестве народа.

Великий знаток и ценитель народного творчества М. Горький отмечает, что: «Пушкин высоко ценил язык «московских просвирен», учился у своей няни Арины Родионовны. Замечательный знаток речевого языка, Лесков тоже учился у няньки, солдатки. И вообще скромные няньки, кучера, рыбаки, деревенские охотники и прочие люди тяжелой жизни определенно влияли на развитие литературного языка, но литераторы из стихийного потока речевого бытового языка произвели строжайший отбор наиболее точных, метких и наиболее осмысленных слов»⁶⁴.

Защищая право детей забавляться сказками, М. Горький писал: «Не один Пушкин учился русскому языку по песенкам и сказкам своей няньки, а что и Лесков, и Гл. Успенский, и многие дети, впоследствии творцы русского литературного языка, постигали красоту, силу, ясность и точность его именно на забавных прибаутках, поговорках, загадках у нянек, солдаток, кучеров, пастухов»⁶⁵.

Сам М. Горький до конца своей жизни не терял интереса к фольклору: «Народные песни, народные сказки, народные легенды, — вообще

⁶¹ М. Горький, Собр. соч., т. 25, стр. 134—135.

⁶² Н. Лесков, Собр. соч., т. II, стр. 514.

⁶³ Сб. Русские писатели о языке, Л., 1954, стр. 618.

⁶⁴ М. Горький, Собр. соч., т. 27, стр. 214.

⁶⁵ Там же, т. 25, стр. 113—114.

все народное устное творчество, которое собственно и называется фольклором,— это должно быть постоянным нашим материалом»⁶⁶.

Фольклор был и для Н. Лескова источником тем, образов и языковых средств. Так Иван Северьянович из «Очарованного странника» является аналогией былинного Ильи, народная прибаутка «Англичане из стали блоху сделали, и наши туляки ее подковали да им назад отослали» послужило темой замечательного «Левши», а народными пословицами, поговорками и меткими словечками пестрят все произведения Н. Лескова. По воспоминаниям Ф. де-ла Барта, Н. Лесков «знал такое множество народных сказаний, причт, легенд, какого я не встречал у присяжных фольклористов»⁶⁷. Ранние его произведения полны отрывков народных песен, обрядов. В дальнейшем все более обостряется интерес к сатирической стороне фольклора. Н. Лесков считается лучшим анекдотистом своего времени. Этот жанр помог острее высмеивать существующие порядки. Так «Человек на часах» — отчасти придворный, отчасти исторический анекдот, по словам автора; «Дух госпожи Жанлис» и «Маленькая ошибка» — искусно переданы анекдоты, а «Печерские антики» и «Заметки неизвестного» представляют даже искусный монтаж анекдотов. Здесь бросается в глаза лаконичный язык, острые, разоблачающие выражения, меткие слова. Н. Лесков к каждому случаю мог подобрать какой-нибудь разоблачающий анекдот. Их он ценил, так как высоко ценил сатирическую сторону фольклора. «Припоминается целый рой более или менее замечательных историй и историек, которые издавна живут в той или другой из русских местностей и постоянно передаются из уст в уста, от одного человека другому... Все подобные истории должны быть дороги литературе и достойны сохранения их в ее записях. Эти истории, как бы кто о них не думал,— есть современное продолжение народного творчества, к которому, конечно, непростительно не прислушиваться...»⁶⁸

Горьковские оценки творчества Н. С. Лескова, как видно из всего сказанного, основываются на близких и дорогих для пролетарского писателя творческих поисках и интересах Лескова к народным типам и быту людей «низших сословий», к искусству и речевой культуре народных масс.

БИБЛИОГРАФИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ М. ГОРЬКОГО О Н. С. ЛЕСКОВЕ

1. Чудаки, Собр. соч., т. 12, стр. 88. (Гуманизм, утешительный характер произведений Н. С. Лескова).
2. Жизнь Клима Самгина, Собр. соч., т. 19, стр. 287—288. (Лесков и Чехов).
3. Н. С. Лесков, Собр. соч., т. 24, стр. 228—268 (Общая оценка творчества Н. С. Лескова, предисловие к предполагаемому собранию сочинений Н. С. Лескова).
4. О пользе грамотности, Собр. соч., т. 24, стр. 325 (О языке).
5. О том, как я учился писать, Собр. соч., т. 24, стр. 471. (Слияние реализма и романтизма); стр. 485. (О революционерах Лескова); стр. 487. (Влияние Н. С. Лескова на Чехова и Горького).
6. Разрушение личности, Собр. соч., т. 24, стр. 63, 66. (Об образах революционеров).
7. О писателях-самоучках, Собр. соч., т. 24, стр. 112, 117, 128. (Отзывы самоучек о Лескове).
8. О русском искусстве, Собр. соч., т. 24, стр. 184. (Положительный образ у Н. Лескова, разнообразие талантов в России).
9. Докладная записка об издании русской художественной литературы, Собр. соч., т. 24, стр. 191. (Необходимость выделить наиболее существенное у Лескова и Чернышевского).

⁶⁶ М. Горький, Несобранные литературно-критические статьи, стр. 158.

⁶⁷ Б. Другов, Н. С. Лесков, 2 изд., ГИХЛ, М., 1961, стр. 192.

⁶⁸ Н. С. Лесков, Старинные психиопаты, Собр. соч., т. 7, стр. 448.

10. Письма начинающим писателям, Собр. соч., т. 25, стр. 130. (О языке).
11. Человек, уши которого заткнуты ватой, Собр. соч., т. 25, стр. 113—114. (Фольклор и язык).
12. О литературе, Собр. соч., т. 25, стр. 249. (Изображение нигилистов); стр. 256. (Жанр очерков).
13. Беседа о ремесле, Собр. соч., т. 25, стр. 346, 348. (Влияние Лескова, Успенского и Помяловского на Горького, положительный герой в литературе).
14. Письма из редакции, Собр. соч., т. 25, стр. 148. (О языке).
15. Беседа с писателями-ударниками по вопросам, предложенным рабочим редакционным советом ВЦСПС, Собр. соч., т. 26, стр. 90. (О языке).
16. О литературе и прочем, «Собр. соч., т. 26, стр. 49. (Самобытность литературного таланта Лескова).
17. Следуйте примеру рабочего класса Союза Советов, Собр. соч. т. 26, стр. 154. (Отношение Лескова к народу).
18. Беседа с молодыми, Собр. соч., т. 27, стр. 214. (Интерес к фольклору и язык Лескова).
19. По поводу одной дискуссии, Собр. соч., т. 27, стр. 139. (О языке).
20. К победе и творчеству, Несобранные литературно-критические статьи, стр. 157—158. (О фольклоризме и языке Лескова).
21. Об издании русских классиков, Несобранные литературно-критические статьи, ГИХЛ, 1941, стр. 104. (О языке).
22. Об очерке, Несобранные литературно-критические статьи, стр. 488. (Отражение действительности в произведениях Лескова).
23. Издалека, Несобранные литературно-критические статьи, стр. 117. (О гуманизме Лескова).
24. История русской литературы, М. 1939, стр. 226, 241, 252, 253, 273, 275, 276, 286. (О дворянском герое в русской литературе и у Лескова, характеристика «Некуда» и героев Лескова, Лесков и Достоевский. Лесков и Салтыков-Щедрин, Лесков и Л. Толстой).
25. Письмо к П. Х. Максиму от 18(31) января 1911 г., Собр. соч., т. 29, стр. 156.
26. Письмо к Е. О. Ставицкому, 1910—1912 гг., Собр. соч., т. 29, стр. 291.
27. Письмо к К. А. Треневу, от 1911 г., Собр. соч., т. 29, стр. 212.
28. Письмо к В. Д. Ряховскому от 17 июля 1925 г., Собр. соч., т. 29, стр. 435.
29. Письмо к Вс. Иванову, около 3(16) февраля 1917 г., Собр. соч., т. 29, стр. 378.
30. Письмо к В. В. Иванову от нач. сентября 1926 г., Собр. соч., т. 29, стр. 474. (Интерес к творчеству Лескова американского издателя).
31. Письмо к Б. А. Лавреневу от 12 июля 1926 г., Собр. соч., т. 29, стр. 471. (Роль критики).
32. Письмо к Ф. В. Гладкову от 30 октября 1926 г., Собр. соч., т. 29, стр. 481. (О диалоге и языке Лескова).
33. Письмо к С. М. Ахреву от 20 декабря 1927 г., Собр. соч., т. 30, стр. 53.
34. Письмо Б. Н. Полевому от 10 января 1928 г., Собр. соч., т. 30, стр. 61.
35. Письмо к И. В. Львову от 24 февраля 1928 г., Собр. соч., т. 30, стр. 74.
36. Письмо в редакцию газеты «Известия» от января 1927 г. Собр. соч., т. 30, стр. 7. (Об избранных произведениях классиков).
37. Письмо к А. В. Перегудову от 4 декабря 1927 г., Собр. соч., т. 30, стр. 49, 51. (Учиться у классиков, язык Лескова).
38. Письмо к И. Ф. Жиге от 15 августа 1929 г., Собр. соч., т. 30, стр. 145. (Отражение эпохи у русских классиков).
39. Письмо к Н. В. Чертковой от 19 сентября 1930 г., Собр. соч., т. 30, стр. 183.
40. Письмо к М. М. Пришвину от 20 июня 1934 г., Собр. соч., т. 30, стр. 351.
41. Письмо к А. Н. Лескову от 21 сентября 1935 г., Собр. соч., т. 30, стр. 398—399. (Необходимость издать собр. соч. Н. С. Лескова; отношение американского издателя к Лескову).
42. Письмо к О. В. Анзиминой от 28 июня 1927 г., Сб. Русские писатели о языке, 1954, стр. 731.

Вильнюсский Государственный университет им. В. Капсукаса,
Кафедра русской литературы

Вручено
в марте 1962 г.

M. GORKIS APIE N. LESKOVĄ

D. STRAUKAITĖ

Re z i u m e

N. Leskovo kūryba, esant gyvam autoriui, nebuvo teisingai literatūrinės kritikos įvertinta. Pirmasis N. Leskovo literatūrinį palikimą, nurodymas jo vietą rusų literatūros istorijoje, nušvietė tarybinis rašytojas ir kritikas M. Gorkis.

Siame straipsnyje bandoma atskleisti M. Gorkio duotą visapusišką N. Leskovo kūrybos įvertinimą, taip pat ir priežastis, paskatinusias M. Gorkį domėtis, propaguoti šio mažai pripažinto, bet produktyvaus rašytojo kūryba. Straipsnyje remiamasi M. Gorkio pasisakymais, skirtais N. Leskovo kūrybai apibūdinti, ir pastabomis apie jo kūrybos atskirus bruožus kitos paskirties straipsniuose bei laiškuose.

M. Gorkis ypatingai vertino N. Leskovo liaudies atstovų paveikslus — „teisuolius“ — teisingą ir įvairiapusišką rusų liaudies gyvenimo pavaizdavimą, spalvingą, turtingą ir liaudišką kalbą.

Straipsnyje trumpai nušviesta ir N. Leskovo kūrybos įtaka M. Gorkio kūrybai.
